

Библейско-богословская коллекция
Патрологическая серия

С-в П.

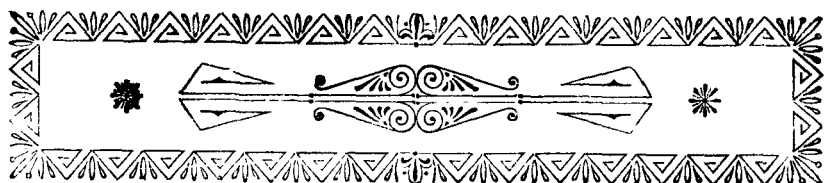
**СВ. ИОАНН ЗЛАТОУСТ
И
КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ
ДВОР**

Странник, 1907, № 11, с. 525-540

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

Св. Иоаннъ Златоустъ

И

Константинопольскій дворъ.

Великая личность одного изъ трехъ великихъ святителей—Иоанна Златоуста сама по себѣ настолько содержательна и глубока, что постоянно можетъ приковывать къ себѣ вниманіе христіанина. Но этотъ интересъ еще болѣе увеличивается въ силу того исключительнаго празднества, которое назначено на 13 ноября сего года по случаю исполненія 1.500 лѣтъ со дня его мученической кончины. Весьма благовременно и небезынтересно вспомнить ту темную исторію, которая ускорила конецъ великой церковно-пастырской дѣятельности Святителя, тѣмъ болѣе, что самый этотъ конецъ его является наилучшимъ показателемъ всей его жизни и служить наиболѣе рельефнымъ изображеніемъ личности этого пастыря Христова.

Коротко говоря, дѣло Златоуста — это, почти естественный при тѣхъ историческихъ условіяхъ, результатъ борьбы свѣтской и духовной высшей власти, борьбы представителей той и другой за преобладаніе и господство въ сознаніи, а вмѣстѣ и жизни общества. Но это со стороны Златоуста не была та борьба, которую вело, напримѣръ, папство. Борьба папства указывала на уклоненіе въ пониманіи значенія и назначенія церковной власти; борьба Златоуста была борьба за преобладаніе христіанскихъ истинъ. И вся сущность взаимныхъ отношеній Златоуста и константинопольскаго

двора сводилась именно къ тому, что Златоустъ являлся истиннымъ представителемъ живой, подлинно-христіанской жизни, а константинопольскій дворъ былъ лишь представителемъ номинальнаго, оффиціальнаго христіанства, при почти полуязыческой жизни въ дѣйствительности. Борьба была неизбежна, но „только страсти и личная неприязнь привели клириковъ и тщеславнаго Александрійскаго патріарха (Феофила) къ сверженію Константинопольскаго владыки“ (Мильманъ, Церковн. истор., т. III, 148 стр.).

Св. Іоаннь Златоустъ, назначенный на константинопольскую кафедру по смерти Нектарія, былъ посвященъ въ архіепископа константинопольскаго 26 февр. 398 г.

Блестящее прошлое Златоуста (въ Антиохіи) вовсе не обѣщало ему спокойной жизни въ Константинополѣ, гдѣ его встрѣтили съ недовѣріемъ и даже ненавистью. Въ лицѣ Златоуста предъ нами выступает истинный епископъ, горѣвшій апостольскою ревностью съ возвышеннымъ представленіемъ и взглядомъ на свое святительское служеніе и долгъ, цѣль церкви и христіанство. Онъ не былъ епископомъ политикомъ, потому что онъ не могъ входить въ какіе-нибудь компромиссы, когда дѣло касалось Церкви Божіей. Эта черта подтверждена всею его жизнью. Онъ не былъ епископомъ политикомъ, потому что не поддерживалъ установившихся къ 4 в. взаимныхъ осторожныхъ отношеній между гражданскою и церковными властями. Это епископъ — „апостоль“¹⁾, стремившійся вложить духъ Христовъ въ свою паству, въ которой онъ хотѣлъ видѣть апостольскую общину „съ единымъ духомъ и единымъ сердцемъ“. Соотвѣтственно съ такимъ идеаломъ, онъ строилъ и свою жизнь и жизнь паствы. Самъ онъ велъ совершенно непривычный для констант. владыки образъ жизни—простой, воздержный и скромный, при необыкновенной дѣятельности на пользу Церкви. Таковъ былъ идеалъ, но не такова была окружающая его дѣйствительность и прежде всего ближайшая къ нему среда—клиръ.

Въ наслѣдіе отъ слабаго правленія Нектарія Златоусту

¹⁾ Письмъ Іо Зл. и нр. его врем. 312.

остался распущенный клиръ. Это были въ большинствѣ случаевъ лишь „наемники“ и чиновники. Столичная жизнь образовала и поддерживала пышный, почти свѣтскій, образъ ихъ жизни. Не лучше такихъ пастырей была и паства.

Правда, общество признавалось официально христіанскимъ. Но это было христіанство лишь номинальное. Христіанскія начала жизни были далеко не вполнѣ руководящими. И частная и общественная жизнь носила еще языческій характеръ и требовала отъ епископа и духовенства особыхъ усилій вложить въ нее духъ Христовъ и указать христіанскій смыслъ. Жизнь низшихъ слоевъ Константинополя наполнялась дикими забавами цирка, ристалищъ и другихъ увеселеній, о которыхъ заботилось само правительство. Высшіе слои утопали, при своемъ необыкновенномъ богатствѣ, въ роскоши, великолѣпнн и развратѣ. Отличаясь страшными суевѣріями и формальною религіозностью, они то и были въ особенности представителями номинальнаго христіанства. Въ ихъ безнравственной жизни ничто не сдерживало, потому что кромѣ внѣшняго лоска, внѣшняго превосходства ничто не цѣнилось. Они „перепутали самую природу справедливости и зла“ ¹⁾. Внутренняя пустота ихъ жизни — необыкновенна. Жизнь сводилась къ однимъ увеселеніямъ, развлеченіямъ и внѣшнему превосходству другъ надъ другомъ. Все это санкціонировалось дворомъ. Онъ стоялъ во главѣ этой роскошной, развратной и безсодержательной жизни. Очень ярко характеризуетъ такое состояніе Константинополя Böringer. Указывая на тяжелое бремя епископства въ Константиновѣ, онъ говоритъ, что эти тяжести усиливаетъ „городъ съ чрезмѣрнымъ догматизмомъ и внутреннею пустотою и дворъ, который въ этомъ направленіи образуетъ шпиль“ ²⁾, т. е., стоитъ во главѣ. И дѣйствительно дворъ давалъ тонъ такой жизни.

Въ архіепископство св. Іоанна Златоуста императоромъ въ Византіи былъ Аркадій. Аркадій не наследовалъ ни одного изъ великихъ качествъ своего отца Феодосія Великаго и былъ совершенно неспособенъ лично располагать своею обширною властью. „Чуждый бурныхъ пороковъ Гонорія,

¹⁾ Бушъ „Жизнь св. Іоанна Златоуста и его время“ 189 стр

²⁾ Böringer Kirchengeschichte I, 4, 45 s

онъ не имѣлъ его энергіи; его жизнь протекала въ какой-то болѣзненной спячкѣ, соответствующей тупости его ума, не любившаго серьезныхъ занятій и привыкшаго подчиняться сначала своимъ придворнымъ, а потомъ министрамъ и женѣ, которые думали и дѣлали за него“ ¹⁾). Вслѣдствіе этого, всѣмъ въ государствѣ управляла Евдоксія и говорить о дворѣ, значитъ—говорить собственно объ Евдоксіи.

Императрица Евдоксія, дочь французскаго генерала, „знаменитая по своей красотѣ, надменности и рѣзкости характера“ ²⁾), была женщина необыкновенно честолюбивая. Она была „смѣлой, надменной женщиной, жадной къ деньгамъ, съ ненасытною страстью къ удовольствіямъ роскоши. Привычка къ самовластію среди двора, евнуховъ и льстецовъ развила въ этой дочери франковъ какую-то свирѣпость и жестокость“ ³⁾). Благодаря характеру своего супруга „очутившись безъ руководства и опытности среди развратнаго двора, скоро уступила всеобщей страсти къ удовольствіямъ“ и предалась имъ со всѣми своими пылкими и необузданными инстинктами. Въ дѣлѣ Златоуста Евдоксія была главнымъ его врагомъ, потому что не хотѣла мириться съ той жизнью, къ какой призывалъ Златоустъ дворъ, и главнымъ инициаторомъ въ его удаленіи. Она была представительницею свѣтскаго уклада жизни, хотѣла давать тонъ обществу въ такой жизни, не желая знать христіанскихъ требованій, какъ жизненныхъ.

Такова была среда и та сфера, съ которой очутился Златоустъ въ Константинополѣ. Вполнѣ понятно, какъ долженъ былъ поступить Златоустъ, при своемъ характерѣ и пониманіи епископскаго призванія.

И вотъ, вполнѣ естественно, загорается борьба между двумя укладами жизни—истинно-христіанскимъ, представителемъ котораго былъ св. Златоустъ, и официально-христіанскимъ, въ главѣ котораго стоялъ дворъ. Первоначально борьба вызывала лишь внутренній протестъ со стороны двора и общества. Они только еще негодовали на

¹⁾ Труды Кіевск. Дух. Ак. 1867 г., ноябрь (4 т.), 211 стр.—изъ статьи Ам. Thierry, изложенной здѣсь Ю. „Св. Іоанъ Златъ и императрица Евдоксія“

²⁾ Бушъ „Св. Іоанъ Златъ“. 11 стр.

³⁾ Труды Кіевск. Дух. Ак. 1867 г. 4 т., 210--211 стр.

обличенія и призывъ Златоуста. Но этотъ протестъ создаетъ уже ту почву и тѣ основанія, по которымъ дѣло Златоуста принимаетъ дурной исходъ. Онъ развилъ въ негодующихъ ту враждебность, которая искала случая избавиться отъ живого и конкретного упрека въ лицѣ Златоуста. Его одушевленная, дѣятельная христіанская жизнь и помимо краснорѣчивыхъ словъ была „молчаливымъ упрекомъ“¹⁾ бездѣятельности его противниковъ и привязанности къ мірскому. Его воздержность обличала ихъ роскошь, погоню за богатствомъ и великолѣпіемъ.

Ненависть и желаніе освободиться отъ Златоуста росло постепенно и въ разныхъ сферахъ общества.

При своемъ взглядѣ на священническое служеніе, Златоустъ начинаетъ борьбу прежде всего противъ изнѣженныхъ привычекъ клира, приглашаетъ его къ простотѣ и дѣятельности, словомъ и дѣломъ. Разумѣется клиръ, былъ недоволенъ и не могъ сочувственно относиться къ святителю. Это имѣло большое значеніе въ судьбѣ Златоуста. Впослѣдствіи недовольствомъ этимъ воспользовался дворъ въ своихъ цѣляхъ, употребивъ духовенство для канонической оформленности осужденія Златоуста.

Коснулся онъ вдовъ и дѣвственницъ, которыя прикрывались нерѣдко вдовствомъ и дѣвственностью для цѣлей чуждыхъ церкви и личныхъ удовольствій. Были даже случаи совмѣстнаго соблазнительнаго сожитія ихъ съ клириками. На послѣдній обычай св. Іоаннъ Златоустъ съ особенностью рѣзкостью и настойчивостью нападалъ.

На ряду съ этою, клерикальною, если можно такъ сказать, враждебною партіею росла и другая, еще болѣе сильная по своему значенію. Это — партія трехъ вдовъ: Кастриціи, Марсы и Евграфіи. Постоянно обличаемыя Златоустомъ, онѣ сдумѣли заинтриговать Евдоксію въ своей борьбѣ противъ него. Кажется, съ ихъ почину начинаетъ образовываться придворная партія.

Между тѣмъ святитель „съ безпощадною суровостью, усиливаемою еще „язвительною ироніею“, „адкою насмѣшкою“, „убійственнымъ сарказмомъ“²⁾, выставялъ предъ слуша-

¹⁾ Бушъ 118 стр

²⁾ Бушъ. „Св. Іоаннъ Златоустъ“. 69 стр

телями ихъ пороки, какъ въ зеркалѣ. Онъ весь былъ преданъ своему служенію, и поэтому его, полного христіанской любви, ничто не могло удерживать отъ исполненія его задачи. Ни боязнь предъ сильными міра, ни страхъ за свое будущее не могли остановить его грозныхъ прещеній и яркаго обличительнаго изображенія всякихъ пороковъ, замѣченныхъ имъ, какъ бы ни были высоко поставлены лица, въ которыхъ онъ открывалъ эти пороки. Насколько проповѣди развивали въ народѣ любовь и уваженіе къ Златоусту, настолько же въ высшихъ слояхъ общества—ненависть. Можно думать, что начало враждебныхъ отношеній вообще положено было именно проповѣдями.

Къ противной Златоусту партіи скоро примкнулъ и дворъ, такъ что въ результатѣ образовался пѣлый „придворный лагерь“ (Hoflager) 1). Но пока еще нѣтъ открытаго нападенія.

Собственно начало борьбы двора съ Златоустомъ уловить трудно. По крайней мѣрѣ, въ первоисточникахъ не упоминается о первоначальномъ столкновеніи императрицы и Златоуста. Но этотъ темный пунктъ освѣщается позднѣйшими изысканіями. По представленію иностранныхъ историковъ (Neander'a, Böhringer'a, Пюша, Thierry) началомъ къ столкновенію между императрицей и Златоустомъ послужилъ виноградникъ одной придворной вдовы нѣкоего знатнаго мужа Теогноста, который отняла, подобно Іезавели, у нея Евдоксія 2). Евдоксія совмѣщала любовь къ удовольствіямъ съ жаждой богатства, которое она и приобрѣтала путемъ грабительства и намѣренныхъ конфискацій имѣній знатныхъ особъ. Въ своихъ безстыдныхъ грабительствахъ, какъ и въ безчестной жизни, Евдоксія встрѣчала строгій судъ Златоуста,—и виноградникъ вдовы сталъ извѣстенъ всему городу. Очень понятно, что Златоустъ сразу сталъ ей на дорогѣ. И хотя она внѣшне помирилась, но на самомъ дѣлѣ она за тайла вражду и ненависть къ святителю. Это тѣмъ болѣе понятно, что ея чувства такія подогрѣвались съ двухъ сторонъ—упомянутыми вдовами и высшимъ классомъ, съ одной стороны, и съ другой—уже самую личность Зла

1) Böhringer Kirchengeschichte in Biographien, 665, I т

2) Neander „Der heilige Ioannes Chrysostomus und die Kirche II т, 93 стр Böhringer—67 стр.: Пюшъ—305; Тьерри въ Tr. K D A—214, т 4 за 1867 г

тоуста и его авторитетомъ, который онъ пріобрѣлъ въ низшихъ кругахъ общества и который заявилъ въ политическихъ событіяхъ.

Религіозный по своей натурѣ, Аркадій всегда робѣлъ предъ Златоустомъ. Онъ его у себя видѣтъ только въ важныхъ и даже страшныхъ случаяхъ, всегда съ духовнымъ увѣщаніемъ и даже угрозами, съ обличеніемъ придворныхъ неправдъ и разврата. Каждый разъ Аркадій уступалъ ему. Вліяніе Златоуста на императора, такъ обр., соперничало съ вліяніемъ Евдоксіи. Это она хорошо поняла и старалась дать понять это и Аркадію.

Въ исторіи извѣстно лишь нѣсколько фактовъ открытаго столкновенія Златоуста съ дворомъ. Такими случаями были—голосъ Златоуста противъ Евтропія, дѣятельность его въ моменты паденія послѣдняго, отвѣтъ его Гайнѣ, готскому вождю, и, наконецъ, его проповѣдь о празднествахъ при открытіи статуи Евдоксіи. Здѣсь, по свидѣтельству исторіи, св. Іоаннъ Златоустъ уже открыто столкнулся съ дворомъ и проявилъ свой авторитетъ, какъ епископа и какъ представителя высшей духовной власти... Евтропію (а въ лицѣ его, какъ фаворита, и императорскому двору) Іоаннъ оказалъ сильное и могущественное противодѣйствіе по вопросу относительно права церковнаго убѣжища. Въ своихъ личныхъ расчетахъ Евтропій хотѣлъ упразднить это право церкви. Но Іоаннъ оказался выше страха предъ министромъ и ревниво оберегалъ права Церкви. Борьба свѣтской и духовной верховной власти — была уже явна. Вскорѣ Іоаннъ снова заявилъ предъ глазами всѣхъ свой духовный авторитетъ. Онъ воспрепятствовалъ императору, почти уже согласившемуся, отдать аріанамъ ту церковь внутри города, которую настоятельно требовалъ вождь готвъ.

Эти два факта не могли пройти для двора незамѣченными. Здѣсь ярко обнаружилось превосходство духовной верховной власти надъ свѣтской—дворомъ. Въ то время, когда дворъ трепеталъ и растѣрялся въ виду грозившихъ опасностей отъ Гайны или когда онъ былъ безсиленъ (относительно Евтропія), св. Іоаннъ Златоустъ мощно и смѣло объявилъ отказъ первому и успокоилъ народъ во время его буйства и неистовства въ отношеніи къ Евтропію Верхов-

ная духовная власть оказалась, так. обр., на высотѣ своего призванія; свѣтская—подъ ея защитой и ниже, и при томъ въ дѣлахъ политическихъ—области послѣдней.

И вотъ тотъ авторитетъ, съ какимъ архіепископъ предсталъ глазамъ народа, безспорно возбудилъ зависть двора. Безхарактерный и слабый Аркадій „былъ весьма гордъ и обидчивъ ко всякому, кто, повидимому, посягалъ на его права“¹⁾. Онъ прощаль это лишь Евдоксіи. Но сѣма то она не могла помириться съ этимъ авторитетомъ и терпѣть еще около себя вліяніе другого лица на общественныя дѣла. Для Евдоксіи было самымъ жгучимъ вопросомъ самолюбія и честолюбія пріобрѣсти неограниченную, никѣмъ не оспариваемую и ни съ кѣмъ не раздѣляемую, власть надъ своимъ супругомъ. Она искала безграничнаго вліянія на него; обстоятельства ей помогали: государственные перевороты уничтожили ея соперниковъ (Евтропія и Гайну). Все ей благопріятствовало; она была уже на верху своего честолюбія, и лишь Златоустъ не только могъ, но и въ дѣйствительности, благодаря своему авторитету, отнималъ у нея первенство чести и власти, превосходя своимъ вліяніемъ ея вліяніе въ государствѣ. Вмѣстѣ съ этимъ боролись и уклады истинно-христіанской и мірской жизни. И здѣсь ея вліяніе было парализовано. Златоустъ казался ей единственнымъ препятствіемъ къ осуществленію ея гордой и честолюбивой мечты. Вполнѣ естественно, что эти факты укрѣпляли ея рѣшеніе удалить Златоуста съ своей дороги. Но при всеобщей любви къ нему народа это сдѣлать было не такъ просто. Приходилось поневолѣ выжидать ..

Дальнѣйшія отношенія двора къ Златоусту имѣютъ тѣ же двѣ стороны официально-внѣшнюю и внутреннюю. Вражда къ Златоусту искала случая удалить его. Но дворъ хотѣлъ, да и долженъ былъ, —быть формально—правымъ. Это было необходимо и понятно при тогдашней внѣшней религіозности. Дворъ зналъ любовь, которою окружалъ Златоуста народъ; съ этимъ нужно было считаться. Чтобы покончить съ Златоустомъ, дворъ долженъ былъ подорвать его авторитетъ или представить его повиннымъ предъ церковными

¹⁾ Пюшъ, 302 стр

канонами, потому что тоже, номинальное хотя, христіанство требовало этого для низверженія епископа. Такой характеръ формальной законности и видимой каноничности придало низверженію и изгнанію Златоуста, недовольное и имѣвшее личные счеты съ нимъ, духовенство. Ненависть къ архіепископу объединила эти враждебные элементы.

За враждебною настроенностью въ Константинополь противъ Златоуста уже давно чрезъ своихъ агентовъ слѣдилъ александрійскій патріархъ Теофилъ. Онъ не могъ простить Златоусту ту роль, которую выполнялъ при посвященіи Златоуста по требованію Евтропія, и то, что ему не удалось тогда преемникомъ Нектарія сдѣлать Исидора, чрезъ котораго онъ хотѣлъ усилить свое значеніе въ Церкви. Съ тѣхъ поръ онъ старался Златоусту „разставить сѣти“¹⁾ Когда онъ узналъ настроеніе двора и духовенства, то ему оставалось лишь организовать партіи противниковъ. Съ его участіемъ дѣло принимаетъ офиціальныи характеръ въ смыслѣ оформленности. Онъ поставилъ мнимыя проступки Златоуста на каноническую почву, такъ что требованіе личной вражды—удаленіе Златоуста казался требованіемъ каноновъ Церкви. Ходъ дѣла былъ таковъ.

Изъ Александріи отъ преслѣдованій Теофила удалились нитрійскіе монахи, во главѣ съ такъ называемыми „долгими братьями“ (Диоскоромъ, Аммоніемъ, Евсевіемъ и Евхиміемъ), сначала въ Палестину, а оттуда, удаленные опять по проискамъ Теофила, въ Константинополь подъ защиту Златоуста. Зная достоинство этихъ монаховъ, Златоустъ дозволилъ имъ посѣщать богослуженіе, но въ общеніе не принималъ. Для выясненія дѣла онъ началъ переписку съ Теофиломъ. Вотъ это-то христіанское расположеніе Златоуста къ гонимымъ, по представленію всѣхъ историковъ, и послужило, нужно впрочемъ замѣтить,—скорѣе случайно, къ тому, чтобы оформить съ канонической стороны изгнаніе Златоуста.

Длинная исторія „долгихъ братьевъ“ и нитрійскихъ монаховъ представляетъ съ внѣшней стороны исторію оригенистическихъ споровъ, происходившихъ въ Египтѣ и Палестинѣ. По крайней мѣрѣ, самъ Теофилъ обвинялъ „длин-

¹⁾ Церк. Ист. Сократа, 457 стр.

ныхъ братьевъ“ въ оригенизмъ, такъ что казалось совнѣ, что онъ ихъ и преслѣдовалъ (разрушилъ ихъ монастырь и др.) именно за оригенизмъ, (хотя въ сущности за то, что они знали его продѣлки и недостатки и не хотѣли служить его страстямъ). Онъ призналъ ихъ еретиками, собралъ соборъ и разсылалъ грамоты противъ нихъ, какъ оригенистовъ. Отсюда, всякій покровитель „длинныхъ братьевъ“ и нитрійскихъ монаховъ являлся какъ бы уже ихъ единомышленникомъ въ богословской сферѣ, т. е. оригенистомъ и, какъ такой, подлежалъ осужденію Церкви.

Когда „длинные братья“, съумѣли умолить императрицу созвать соборъ для разслѣдованія ихъ, то Теофилъ, по царскому указу, долженъ былъ ѣхать—какъ „отвѣтчикъ“ ¹⁾.

У историковъ собственно не одинаково представляется вызовъ Теофила на соборъ въ Константинополь. По однимъ—онъ ѣхалъ отвѣтчикомъ, а по другимъ—судьею. Намъ кажется, что обѣ группы историковъ правы. Разница у нихъ зависитъ отъ того, какой моментъ вызова и поѣздки Теофила они берутъ во вниманіе—начальный или конечный. Поѣздка Теофила тянулась очень долго, и въ это время обстоятельства измѣнились и стали на сторону его. Ходъ здѣсь, кажется, измѣнился съ отъѣздомъ изъ Константинополя Епифанія Кипрскаго.

Приказаніе двора явиться въ Константинополь на судъ страшно поразило александрійскаго патріарха. Онъ почему то во всемъ этомъ заподозрилъ участіе и вліяніе Златоуста. Монахи и жажда мщенія имъ отошла на заднее мѣсто. Главная мысль была—сохраненіе себя отъ позора и особенно гибель Златоуста, которому онъ все приписывалъ. „Теофилъ былъ съ дикими страстями и рѣдкимъ практическимъ умомъ“ ²⁾. Онъ хотѣлъ господствовать надъ всею церковью. Благодаря Златоусту, ему это не удалось. Теперь къ этой *старой* злобѣ присоединилось еще *новое* раздраженіе, и онъ задумался надъ планомъ погубить Златоуста. Можно подивиться его изворотливости. Онъ отлично зналъ положеніе Златоуста въ Константинополѣ и сообразно съ этимъ рассчитывалъ свои дѣйствія. Его планъ былъ очень

¹⁾ Робертсонъ. Ист. хр. ц., 362 стр

²⁾ Böhringer, 62

искусенъ. Все, что было въ оппозиціи въ Константинополь, а этого было весьма много (дворь и др.), онъ рѣшилъ склонить на свою сторону. Все это, какъ сплоченная масса, подъ его предводительствомъ должно было выступить противъ Златоуста. Въ немъ—*Теофилъ*—оппозиція, которой недоставало главы и, главнымъ образомъ, каноническихъ основаній, теперь получала главу. Какъ средство для канонической оформленности дѣла должны были послужить оригенистическіе споры, въ которые чрезъ полное любви принятіе нитрійскихъ монаховъ *Іоаннъ Златоустъ* самъ себя запуталъ. Такъ разсуждалъ *Теофилъ*. Теперь нужно лишь приготовить почву для укрѣпленія себя и для обвиненія Златоуста въ оригенизмъ. Первое онъ сдѣлалъ, а второе заставилъ сдѣлать *Епифанія Кипрскаго*.

Онъ всѣмъ заинтересованнымъ въ удаленіи Златоуста разсылалъ письма и стягивалъ ихъ вокругъ себя, такъ что въ нужныя минуты они всегда могли стоять на его сторонѣ, зная, къ чему клонятся его намѣренія. Съ другой стороны, авторитетъ православія и благочестія *Кипрскаго еп. Епифанія*, который долженъ былъ потребовать отчета Златоуста въ покровительствѣ „долгимъ братьямъ“, онъ противопоставлялъ Златоустову. *Епифанію* онъ пишетъ льстивое письмо, и тотъ идетъ въ Константинополь, гдѣ разрываетъ общеніе съ Златоустомъ такъ какъ послѣдній, ожидая рѣшенія созваннаго собора, отказался проклять монаховъ. Такимъ путемъ *Епифаній* наводилъ тѣнь на свѣтлый образъ Златоуста, такъ что послѣдній являлся какъ бы оригенистомъ. Впрочемъ, *Епифаній* скоро, благодаря Златоусту (чрезъ *діакона Серапіона*), понялъ свою роль въ интригахъ *Теофила* и двора и уѣхалъ изъ столицы съ знаменательными словами: „оставляю вамъ столицу, дворь и лицемѣріе“.

-Слова *Епифанія* даютъ полное основаніе заключать, что дворь не былъ безучастенъ въ этихъ интригахъ противъ Златоуста. Еще ранѣе, во время трехмѣсячнаго отсутствія Златоуста по симонитскимъ дѣламъ (въ *Ефесѣ*) враги нашли уже пріемника ему въ лицѣ *Северіана Габальскаго*. Есть несомнѣнныя сообщенія, что во время пребыванія *Епифанія* въ Константинополь его домъ, а также и домъ *Евграфіи*,

куда приглашались и онъ для привлеченія другихъ своимъ авторитетомъ, служили мѣстомъ сборища враговъ Златоуста; словомъ, въ дѣлѣ этомъ замѣшаны женщины придворныя, а по тѣсной связи ихъ съ императрицей,—и послѣдняя. Все это дало поводъ Златоусту къ проповѣди противъ женщинъ.

Какъ извѣстно, по отъѣздѣ Епифанія, св. Іоаннъ Златоустъ произнесъ рѣзкую проповѣдь относительно женщинъ. Теперь начинается уже новый фазисъ борьбы и новый актъ этой темной драмы.

Враги Златоуста не преминули сообщить императрицѣ о проповѣди. Послѣдняя сочла себя оскорбленной. Враги поспѣшили ей указать, что можетъ выйти изъ собирающагося собора. Онъ пріобрѣтаетъ теперь другой, чѣмъ разборъ дѣла монаховъ, тайный смыслъ и другое назначеніе. Въ это время, вѣроятно, Теофиль и превращается изъ отвѣтчика въ судью. По Сократу, жалуясь на Златоуста Аркадію, императрица представила и его оскорбленіе и „выдвинула повелѣніе Теофилу созвать противъ Златоуста соборъ“ ¹⁾. Neander высказываетъ даже такую „рискованную догадку“ что Евдоксія приняла сторону монаховъ (ихъ просьбу) и присоединилась къ нимъ для того, чтобы, вызвавши Теофила, употребить его противъ ненавистнаго ей Іоанна ²⁾. Во всякомъ случаѣ суть дѣла въ томъ, что теперь окончательно враждебныя Златоусту партіи — и придворная и духовная соединились и стали дѣйствовать за одно. Какъ произошло это соединеніе — неизвѣстно. Важно, что соединеніе произошло, дворъ и другіе противники чувствовали себя сильными и уже на дорогѣ въ Константинополь Теофиль говорилъ: „я ѣду въ придворный лагерь, чтобы низложить Іоанна“ ³⁾. У Теофила съ пріобрѣтеніемъ на свою сторону императрицы былъ пріобрѣтень и слабый императоръ. Очевидно, что собранный въ Константинополь горячій матеріалъ вспыхнулъ благодаря Теофилу и двору. Теофиль нуженъ былъ для сообщенія канонической правильности дѣлу, императорскій дворъ — какъ „рѣшительная сила“ (Böhringer). Теперь Тео-

1) Церк. ист. Сократа IV кн., XV гл. 483

2) Neander. „Der heilige Chrysostomus“ II т., 1775.

3) Böhringer ibid 66 стр.

филь дѣйствовалъ уже нагло, потому что за нимъ стоялъ дворъ ¹⁾ и недовольные; дворъ—тоже смѣло, потому что онъ теперь формально могъ быть правымъ и желаніе свое могъ исполнить, не нарушая явно каноническихъ правилъ церкви и установившейся церковной практики. Итакъ, партія объединилась.

Эго объединеніе способствовало и предварительному обсужденію нападенія. Теофиль и Евграфія нашли двухъ діаконовъ, которые согласились подъ диктовку Теофила написать 29 обвиненій на Златоуста и обѣщались представить ихъ на соборъ. Такимъ образомъ все было подготовлено къ осужденію Златоуста на соборѣ. Соборъ ²⁾, благодаря Теофилу, очень искусному политику, былъ созванъ не въ Константинополь, гдѣ онъ боялся народной любви къ Златоусту, а въ Халкидонѣ „при Дубѣ“ (403 г., въ іюль). Составъ собора былъ весь въ распоряженіи Теофила. Здѣсь были или его подчиненные—египетскіе епископы или недовольные. Главные въ числѣ послѣднихъ были Северіанъ Габальскій, Антіохъ птолем., Акакій бергійскій и Киринъ ираклійскій, обиженный первенствомъ власти конст. епископа. О нитрійскихъ монахахъ скоро забыли, потому что не они составляли главную цѣль собора, да возвращаться къ нимъ нежелательно было и Теофану, такъ какъ ему самому едвали можно было избѣжать суда и позора за свои дѣянія. На соборѣ (совершенно неожиданно) заговорили въ 29 обвинительныхъ пунктахъ о Златоустѣ. И соборъ, официально созванный для осужденія оригенистовъ—и разбора дѣла монаховъ, безъ упоминанія и обвиненія въ оригенизмѣ Златоуста, занялся разборомъ другихъ обвиненій нравственнаго, каноническаго и политическаго свойства и характера. Эту неожиданность, эту нелогичность и разъясняетъ та подпольная политика враговъ Златоуста, про которую упоминалось выше... Златоуста приглашалъ соборъ для оправданія, но онъ, не видя исполненія своего требованія объ удаленіи главныхъ его враговъ—Теофила, Акакія, Антіоха, Северіана, не явился... Соборъ этотъ осудилъ на изгнаніе св. Іоанна Златоуста, а

¹⁾ Есть сообщенія, что Теофиль дѣйствовалъ подкупамъ

²⁾ Дѣло готовилось настолько искусно и тайно, что Аркадій „непосвященный въ тайну политики Евдоксія“ желалъ, чтобы Златоустъ приступилъ къ слѣдствію Робертсонъ, 362 Цер ист Созомена, 579.

императоръ подписалъ это осужденіе,—подписалъ, не смотря на явную незаконность и несправедливость осужденія. Онъ подписалъ, потому что этого требовала императрица и его вражда къ Златоусту. Таковъ былъ соборъ „При Дубѣ“.

Въ ночь—тайкомъ, боясь народнаго возмущенія, дворъ распорядился удалить Златоуста. Послѣдній отдался въ руки конвойныхъ. Враги отдѣлались отъ Златоуста, бывшаго для ихъ грѣшныхъ душъ невыносимымъ, но не надолго.

Страшныя, физическія явленія (землетрясеніе) ночью настолько перепугали императрицу и весь дворъ, что онъ успѣшилъ возвратить Златоуста. Послѣдній возвратился, а для успокоенія взволнованнаго народа сѣлъ на епископское мѣсто въ церкви и началъ учить, не дождавшись соборнаго разрѣшенія и оправданія своего ¹⁾. Врагамъ, которые не теряли всетаки надежды снова удалить его, это было на руку. Страшныя явленія, заставившія возвратить Златоуста, конечно, не примирили внутренно враговъ его съ нимъ, такъ что осужденіе, какъ слѣдствіе вражды, должно было повториться, и оно повторилось.

„Опьяненная головокружащей высотой власти, до которой она теперь достигла. Евдоксія добилаь того, что ей воздвигнута была порфирная колонна, украшенная на вершинѣ ея собственною серебряною статуей“ ²⁾. Это знаменитое дѣло по поводу статуи, воздвигнутой прямо противъ Великой церкви, открытіе которой (статуи) сопровождалось увеселеніями и обрядами мірскаго и языческаго характера, и послужило толчкомъ ко вторичному изгнанію Златоуста изъ Константинополя. Негодуя на эти процессіи и на крики около статуи, заглушавшіе богослуженіе, св. Іоаннъ Златоустъ произнесъ слово гдѣ имѣлъ въ виду императрицу и обличалъ пороки. Въ этотъ разъ, какъ и всегда, Іоаннъ Златоустъ поступалъ такъ, какъ требовали того его епископскія обязанности, не принимая во вниманіе уже установившихся отношеній и взаимныхъ снисхожденій между гражданскою и церковною властями. Здѣсь представилась новая возможность къ обвиненію. Забытая и потухшая ненависть снова возгорѣлась. Теперь императрица окончательно рѣшила

¹⁾ Соборъ этотъ былъ нѣсколько позже изъ 65 епископовъ

²⁾ Фарраръ Жизнь и труды св. отц и учит. Ц. П. 492

„сбыть съ рукъ“¹⁾ Златоуста. Вмѣстѣ съ своими злыми подругами и съ еще болѣе злыми духовными пособниками. „Евдоксія рѣшила разыграть фарсъ осужденія патріарха какъ бы посредствомъ своего рода всеобщаго собора, составленнаго изъ враговъ Златоуста и честолюбивыхъ креатуръ дворца“²⁾. Въ началѣ 404 г. созванный соборъ, подъ вліяніемъ двора, снова осудилъ Златоуста. Сущность обвиненія сводится къ нарушенію Златоустомъ 11-го правила антиохійскаго (аріанскаго) собора 341 г., что онъ, низложенный церковною властью, снова священнодѣйствовалъ и былъ возстановленъ, лишь по приказу императора, безъ оправданія большимъ соборомъ. Въ защиту свою св. Юаннъ Златоустъ указывалъ на то, что это правило—аріанское и что позднѣе онъ всегда соборомъ былъ реабилитированъ. Но придворное вліяніе сдѣлало свое дѣло: Златоустъ объявленъ былъ низложеннымъ. Самъ дворъ начинаетъ прежде всего примѣнять и осуществлять это постановленіе.

Исторія передаетъ, что императоръ, не исполнивши обычнаго тогда порядка-причащенія у констант. архіепископа въ день Рождества Христова, сослался на неканоничность служенія Златоуста, какъ уже низверженнаго. Такое обвиненіе подсказано было императору со стороны собора и укрѣплено императрицею. Это обвиненіе тяготѣло надъ Златоустомъ до Пасхи, когда уже войны, по приказу двора, насильно взяли Златоуста изъ собора Софіи, лишили его возможности отправлять богослуженіе и отправили въ ссылку—въ Кукузь.

Тяжелыя и мрачныя картины удаленія Златоуста ясно обнаруживаютъ великій духъ Златоуста. Во все время епископскаго служенія и невзгодъ Златоустъ проявлялъ твердую, непоколебимую вѣру въ Бога и Его промыслъ и имѣлъ бодрое состояніе духа. Его великій образъ духовный съ его апостольскою ревностью о славѣ Божіей, жгетъ, поражаетъ и приводитъ въ благоговѣніе.

Изгнаніемъ Златоуста не закончилась борьба его съ дворомъ, или скорѣе наоборотъ двора съ Нимъ. Чтобы отрѣзать всякую возможность къ возвращенію Златоуста, тотчасъ назначенъ былъ ему пріемникомъ Арзакій, братъ Нектарія.

1) Börlinger, 74.

2) Фарраръ. Жизнь и труды св. отц и учителей Церкви II 495

Удаленный въ Кукузь, Златоустъ и оттуда свѣтилъ по прежнему яркимъ свѣтомъ и укорялъ совѣсть враговъ. Онъ по прежнему былъ центромъ церковной жизни и вершителемъ дѣлъ. Тогда рѣшено было нанести новый ударъ великому іерарху. Что злобредный климатъ Кукуза удручалъ Златоуста болѣзнями, что его постоянно волновали нападенія исаврянъ,—этого было мало врагамъ, рѣшившимъ его погубить. И вотъ въ іюнѣ 407 г. вышелъ приказъ, чтобы Златоустъ со всевозможною скоростью былъ ствезенъ двумя солдатами въ Питій, на восточный берегъ Евксинскаго моря.

„Заставить шестидесятилѣтняго старца, ослабленнаго аскетизмомъ, бѣдствіями и болѣзнями, предпринять такое путешествіе пѣшкомъ было ужасной мѣрой гонительства. Въ дѣйствительности, сторожившимъ солдатамъ дано было повелѣніе влачить великаго мученика безжалостно впередъ со всевозможными оскорбленіями и жестокостями въ надеждѣ, что онъ умретъ во время путешествія“ ¹⁾. Въ своихъ расчетахъ враги не ошиблись. На пути своемъ, въ Команяхъ, Златоустъ скончался 14 сентября 407 года съ знаменательными словами на устахъ: „Δόξα τῷ Θεῷ πάντων ἕνεκα. Ἄμην“ — „Слава Богу за все. Аминь“.

П. С—евъ.

¹⁾ Фарраръ. Жизнь и труды св. отц. церкви П, 501

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: **info@axion.org.ru**